

Мешкова Н.В., Ениколопов С.Н. О психологических исследованиях асоциальной креативности

МЕШКОВА Н.В., ЕНИКОЛОПОВ С.Н. О ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ АСОЦИАЛЬНОЙ КРЕАТИВНОСТИ

English version: [Meshkova N.V., Enikolopov S.N. On psychological research of antisocial creativity](#)

Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Россия
Научный центр психического здоровья, Москва, Россия

[Сведения об авторах](#)

[Литература](#)

[Ссылка для цитирования](#)

Рассмотрены накопленные к настоящему моменту в зарубежной и отечественной психологии знания о феномене асоциальной креативности и факторах, способствующих ее проявлению в девиантном поведении. Приведены формы поведения, в которых может реализоваться и реализуется творческий потенциал асоциальной направленности. Описаны два вида асоциальной креативности, выделяемые зарубежными авторами: негативная и вредоносная. Основанием для выделения данных видов является интенциональность нанесения вреда. Представлены подходы к пониманию и изучению творческого потенциала, используемого для нанесения вреда. Рассмотрена функциональная модель креативности и ее применение для создания мер и решений по противодействию террористическим актам. Выделены ситуационные и личностные характеристики, знание о которых помогает прогнозированию и профилактике реализации креативного потенциала в агрессивном поведении. Осуществляется анализ методов исследования асоциальной креативности. Выделяются перспективные направления дальнейшего изучения вредоносной креативности, реализуемой в разного вида девиантном поведении. Делается вывод о необходимости исследования взаимодействия личностных и ситуационных характеристик, провоцирующих применение творческих способностей во вред другим.

Ключевые слова: негативная креативность, вредоносная креативность, терроризм, агрессия, девиантное поведение, лидер, эмоциональный интеллект, враждебность

Впервые внимание психологов к тому, что креативность имеет темную сторону и может наносить вред, привлек Р.Макларен (R.McLaren) в специальном выпуске журнала Creativity research journal (1993 г.), посвященном исследованию взаимодействия креативности и морали / нравственности. Анализируя пропагандирующее порнографию искусство, рекламу, ради прибыли вводящую потребителя в заблуждение, достижения науки и технологии, наносящие ущерб экологии, он высказал мысль о том, что вне морального контекста понимание креативности не может быть полным. Не менее важно принимать во внимание и намерения / умысел творца при создании продукта [McLaren, 1993]. Иными словами, исследователь обозначил проблему ответственности создателя за продукт своего творчества.

В то же время создание нового, сопровождаемое нарушением общепринятых норм и правил, и мораль нельзя рассматривать вне рамок конвенциональности, о чем говорит другой автор, чья статья была опубликована в том же выпуске журнала – М.Ранко (M.Runco). Осмысливая связь

морали и креативности, он полагает, что оба феномена можно рассматривать как противоположные полюса континуума конвенциональности (то есть традиционность, догматизм, консервативные тенденции) [Runco, 1993]. Такой подход дает возможность выявить, во-первых, креативность, нарушающую мораль и нравственность, а во-вторых, проблемы морали, нуждающиеся в креативном решении.

Подходы Р.Макларена и М.Ранко к психологическим аспектам креативности наметили перспективу ее дальнейшего исследования в социальных ситуациях с неопределенно воспринимаемыми стандартами морали и этики: социальных [Runco, 1993] и моральных дилеммах [Gruber, 1993], а также ситуациях, в которых оправдана физическая агрессия мужчин или вербальная агрессия женщин [Harris, Reiter-Palmon, 2015]. Если говорить о применимости идей данных авторов для исследования асоциальной креативности, реализующейся в феноменах современного общества, то в рамках идеи морали и консерватизма получают новое понимание следующие явления, в основе которых находится собственная мораль творца, оправдывающая асоциальность его творчества: например, вандализм или граффити. Кроме того, в одном контексте граффити будет рассматриваться как креативное творчество, а в другом – как вандализм [Sponner, 2008]. Учитывая, что в разных культурах мораль и конвенциональность имеют свои особенности, то есть то, что морально в одной культуре считается аморальным в другой, имеются основания для исследования культурных и ситуационных различий в асоциальной креативности.

Дальнейшее изучение «темной стороны» креативности было стимулировано террористическими актами в различных странах мира, попыткой понимания причин и разработкой способов противодействия продуктам антисоциальной направленности, в основе появления которых находится решение проблем и достижение целей оригинальными, но не конвенциональными способами, используемыми для нанесения вреда другим людям. Интерес к проблеме асоциальной креативности в отечественной и зарубежной психологии вызван, прежде всего, проблемами противодействия терроризму и предотвращения криминальных действий. Изучение психологических механизмов использования творческого потенциала в антисоциальных целях необходимо для понимания планов и прогнозирования действий террористов с тем, чтобы силовые структуры могли выработать ответные креативные решения [Дикая, 2010]. Разного рода мошенничества и коррупционные схемы также демонстрируют, что совершающие их люди обладают высокими творческими способностями. В то же время в случае террористических актов и криминальных действий, носящих группой характер, приходится дифференцировать разработчиков и исполнителей, обладающих неодинаковым набором и выраженностью психологических характеристик, что затрудняет понимание механизмов возникновения и реализации негативных явлений креативности и подготовку превентивных мероприятий.

Перечисленные виды асоциального поведения, к счастью, все же являются нечастыми явлениями. Между тем в повседневной жизни происходят события, являющиеся следствием реализации креативного потенциала, изучение которых может оказать решающую роль в понимании и предотвращении различных форм девиантного поведения, таких как буллинг и кибербуллинг, плагиат в научной деятельности, нечестная конкуренция в бизнесе, проблемы допинга в спорте, хакерство, вандализм, осуществляемый в отношении продуктов творчества художников и скульптуров, граффити, наркомания.

Следует отметить, что зарубежные авторы дифференцируют по степени интенциональности нанесения вреда асоциальную креативность на негативную и вредоносную [Cropley et al., 2010]. Негативная креативность [negative creativity] – результат дивергентного мышления, реализованный в продукте / идее / решении и ненамеренно направленный во вред какой-либо группы людей [James et al., 1999] или конкретного человека. Зловредная или вредоносная креативность (malevolent creativity) – использование творческого потенциала для намеренного нанесения вреда кому-либо [Cropley et al., 2008b]. Выделение данных видов креативности необходимо, поскольку негативные продукты креативности являются побочными в процессе решения проблемы, в то время как нанесение вреда оригинальным способом является сознательным для достижения собственных

целей индивида [Harris, Reiter-Palmon, 2015]. Кроме того, в основе негативных результатов креативности часто находится решение проблемы, нацеленное на благо общества в целом (например, разработка оружия или мер по противодействию коррупции или терроризму), в то время как зловередная креативность проявляется в явлениях ярко выраженной антисоциальной направленности: преступления и терроризм.

В зарубежной психологии можно выделить подходы к изучению феномена асоциальной креативности, отличающиеся фокусом внимания к различным аспектам этого явления. Один из подходов касается осмысления самого продукта дивергентного мышления, выделение его характеристик, на основе которых разрабатываются стратегии противодействия повторным деяниям и дублированиям имитаторов-последователей. Так, Д.Кроплей (D.Cropley) с коллегами предложили функциональный подход к вредоносной креативности. В основе данного подхода находится модель креативного продукта с точки зрения инженерии [Cropley, Cropley, 2005]. Согласно модели, креативным может считаться продукт, обладающий следующими характеристиками: новый, оригинальный, эффективный, неожиданный; удовлетворяющий тем потребностям, ради которых он создавался; генерализуемый (применимый для решения других проблем); элегантный (обладающий внутренней логичностью); не устаревающий со временем. Характерно, что создается такой продукт в ситуации конкуренции и соревнования [Cropley et al., 2008a]. По мнению Д.Кроплея и его коллег, функциональный подход к креативности необходим для противодействия террористам, поскольку понимание «продукта» их деятельности в рамках функциональной креативности позволяет выработать антитеррористические стратегии, цель которых должна состоять в снижении его эффективности, ценности, генерализуемости и ускорении устаревания. Причем лучшими антитеррористическими решениями являются гибкие и направленные на решение нескольких проблем одновременно. Например, проблема противодействию проникновения на борт самолета человека с оружием не должна ограничиваться только лишь запретительными мерами или детекторами металла, но должны быть разработаны меры, учитывающие ситуацию, когда оружие в самолет все-таки попадет [Cropley et al., 2008a]. Таким образом, эффективность борьбы со зловередной креативностью террористов определяется способностью антитеррористических служб учитывать большее число факторов и расширять фокус решаемых проблем.

Нельзя не упомянуть о том, что некоторые из положений модели функциональной креативности были подвергнуты критике со стороны отдельных авторов, полагающих, что проблема терроризма является междисциплинарной и предполагает взаимодействие специалистов различных отраслей психологии. Так, М.Спунер (M.Spooner), отмечая перспективность исследований, касающихся снижения новизны и ускорения устаревания продукта как меры борьбы с терроризмом, полагает, что фокус только лишь на одном аспекте креативности (в данном случае на продукте креативного мышления) без учета контекста является ограниченным, поскольку в одном контексте эти характеристики нивелируются, а в другом – наоборот. Иллюстрируя эту мысль, он приводит следующие аргументы: во-первых, новизна продукта снижается в ситуации конкуренции и соревнования, а во-вторых, эффективность продукта может расти со временем, как в случае идей различных лидеров, борющихся за гражданские права [Spooner, 2008]. Критику К.Джеймс (K.James) и Д.Драун (D.Drown) можно свести к замечаниям о том, что предложенная Д.Кроплей и коллегами модель ограничена рамками терроризма, и ее следует расширить до модели, объясняющей и другие аспекты поведения, в которых воплощается негативная креативность [James, Drown, 2008].

Обоснуем в чем, на наш взгляд, состоит ограниченность модели. Дело в том, что создатель креативных решений и их исполнитель, как правило, разные люди. Данное обстоятельство разбивает проблему терроризма, да и групповой преступности, на две взаимодополняющие друг друга проблемы. Первая имеет отношение к креативности лидера, разрабатывающего креативные террористические решения своей проблемы и креативные решения по «вербовке» исполнителей. Вторая касается понимания того, почему какая-то группа людей легко принимает креативные идеи лидера. Дело в том, что наблюдения показывают, что огромное количество творческих идей

отвергается экспертами, обществом, культурой. В то же время необычный / оригинальный / новый способ нанесения вреда кому-либо приветствуется и принимается членами группы. Решение обозначенных проблем посредством модели функциональной креативности вряд ли возможно, поскольку предполагаемые в ее рамках действия направлены на борьбу с самим вредоносным продуктом и его исполнителем, при этом, на наш взгляд, стимулируя вредоносную креативность лидера.

У Дж.Плукера (J.Plucker) и М.Ранко (M.Runco), сопоставлявших креативность и девиантность, мы обнаружили рассуждения о том, что, во-первых, открытость опыту способствует тому, что креативные люди легко принимают девиантность других; а во-вторых, общими характеристиками креативного и девиантного поведения является желание индивида выделиться и вести себя так, как другие себя не ведут, а также антагонизм к конвенциональным ценностям [Plucker, Runco, 1999]. На наш взгляд, рассуждения данных авторов проливают свет на понимание проблемы восприимчивости к антисоциальным творческим идеям: оно находится в большей степени в плоскости личностных характеристик, нежели характеристик продукта креативного мышления.

В данном случае интерес представляет второй подход к исследованию наносящей вред креативности. Он касается нарушений закона и направлен на изучение характеристик как самой личности преступников, так и ситуаций, способствующих реализации вредоносного креативного мышления. Так, Р.Эйзенман (R.Eisenman) при исследовании заключенных пришел к выводу о том, что, несмотря на ригидность мышления, отсутствие креативности в когнитивной и социальной сферах, многие из них отличались оригинальностью в совершении преступления и избегании наказания [Eisenman, 1999, 2008]. Иными словами, асоциальная креативность определяется «областью специализации» нарушителя закона [Cropley, Cropley, 2011].

Изучение связи креативности и криминального поведения проходит в рамках модели дефицитарности, объясняющей причины нарушения закона неэффективными когнитивными процессами социального научения, отсутствием способности совладания со стрессом, недостаточной саморегуляцией, неблагоприятными социальными факторами (например, навешивание ярлыков) [Krohn et al., 2009]. Данная модель подтверждается тем, что преступники являются психопатами, обладающими такими ассоциируемыми с креативностью характеристиками, как лживость, манипуляция, отсутствие угрызений совести, низкий уровень саморегуляции, неспособность взять на себя ответственность за собственные поступки, импульсивность, гнев и эгоцентризм [Cropley, Cropley, 2011]. Перечисленные характеристики дают возможность предположить, что в основе связи криминального поведения и креативности находятся низкие значения эмпатии и эмоционального интеллекта. Предположение косвенно подтверждается эмпирическими исследованиями психологов: 1. количество зловердных идей отрицательно связано с эмоциональным интеллектом [Harris, Reiter-Palmon, 2015]; 2. эмоциональное манипулирование окружающими и использование их чувств без испытывания вины сочетается с высоким уровнем когнитивной эмпатии (способность понимать, что чувствуют другие) и низким уровнем аффективной эмпатии (способность чувствовать то, что чувствуют другие) [Nagler et al., 2014]; 3. низкие значения эмоционального интеллекта у подростков обуславливают причинение вреда социальному статусу жертвы [Cleverley et al., 2012], у женщин – высокий уровень агрессии в романтических отношениях и злой юмор [Cleveland, 2014].

Связь различных видов креативности с расстройствами личности продемонстрирована в исследованиях зарубежных и отечественных авторов. Так, выявлена связь артистической креативности с шизотимией [Furnham, 2015], психотизма – с вербальной креативностью [Корнилова и др., 2015] и негативной креативностью, реализованной в обмане [Кароог, 2015]. Разумеется, полученные зависимости нуждаются в дальнейшем изучении и конкретно, как и что способствует реализации оригинальных решений, наносящих вред кому-либо, в повседневной жизни, а не в лабораторных условиях. Одно дело – думать о нанесении вреда, и совсем другое дело – осуществить придуманное. Особый интерес в данном случае представляет изучение агрессивности и ситуативных проявлений агрессии, поскольку многие авторы полагают, что в основе зловердной

креативности находится агрессия [Al-Rifaie et al., 2016]. На настоящий момент показано, что агрессивность у мужчин коррелирует с количеством идей использования кирпича и карандаша в качестве оружия [Lee, Dow, 2011]. Кроме того, ситуация мести, когда испытуемым предлагалось предложить как можно больше оригинальных идей отомстить и остаться незамеченным, провоцировала асоциальную креативность у импульсивных людей, имеющих высокие показатели агрессивности [Harris, Reiter-Palmon, 2015].

Еще одним направлением исследований асоциальной креативности может стать и ее взаимодействие с угрожающими стимулами. Основанием для данного вывода являются результаты, полученные Дж.Мейером и Т.Мусвейлером (J.Mayer и T.Mussweiler). Они показали, что в отличие от неугрожающих стимулов, угрожающий социальный контекст повышает генерирование креативных идей. Объяснение полученным зависимостям состоит в том, что в ситуации угрозы приходится решать проблему именно новым и нетривиальным способом [Mayer, Mussweiler, 2011].

Комментируя все перечисленные результаты, нельзя не упомянуть исследование Р.Чавес-Икл (R.Chavez-Eakle) и ее коллег, продемонстрировавших связь креативного потенциала и темпераментальных характеристик: высокого поиска новизны и настойчивости в сочетании с низкими значениями избегания вреда [Chavez-Eakle et al., 2006]. Похожие показатели перечисленных параметров темперамента, входящих в биосоциальную модель Р.Клонингера [Cloninger et al., 1992], были получены нами в группе испытуемых, члены которой проявляли высокую физическую агрессию в повседневной жизни. Характерной для данной группы оказалась враждебность, генерализованная в картине мира, и предубежденность к представителям различных групп, отличающихся национальностью, полом, сексуальной ориентацией [Ениколопов, Мешкова, 2010]. Следуя логике данного исследования, интерес представляет изучение особенностей асоциальной креативности у лидеров групп различного уровня развития и их связь с такими психологическими характеристиками, как ценностные ориентации, агрессивность, враждебность, картина мира, темперамент, эмоциональный интеллект. Что касается остальных членов группы, то, как показали исследования отечественных авторов, взаимодействие с креативным лидером, в частности учителем, влияет на установки, поведение и когнитивные процессы учащихся-подростков [Дубов, Петровский, 1987]. В этом направлении важно проследить влияние, оказываемое негативными аспектами креативности лидера на групповую динамику и личностные характеристики, установки, ценности членов группы.

Еще одной проблеме следует уделить особое внимание. Она касается методов исследования асоциальной креативности с помощью ситуаций. Дело в том, что некоторые задания, предлагаемые испытуемым для выявления гибкости и оригинальности их идей, могут использоваться как индикаторы наличия креативности антисоциальной и даже криминальной направленности у обследуемого контингента. Таким примером является задание, использованное Д.Андреани и А.Пагнин [Andreani, Pagnin, 1993], «Что бы вы сделали в случае, если бы стали невидимым?». Еще один пример ситуации, направленной непосредственно на выявление асоциальной креативности, представлен в исследовании коллектива авторов под руководством М.Ранко (M.Runco): придумать как можно больше идей скрытой мести за нанесенный ущерб [Hao et al., 2016]. Этими же авторами был предложен опросник вредоносной креативности. Вкратце можно сказать, что он состоит из трех шкал, затрагивающих ситуации, в которых чаще всего применяются оригинальные решения, наносящие вред другим людям. Авторы опросника любезно разрешили нам адаптировать его на российской выборке, и работа по адаптации уже ведется.

Стоит отметить, что скрытость и анонимность – характеристики ситуации, в которых с большей вероятностью может проявляться агрессия. В частности, Д.Лоу (D.Law) с коллегами обнаружили, что подростки создают вебсайты, наносящие вред (проактивная виртуальная агрессия), в условиях анонимности и уверенности в том, что не будут обнаружены [Law et al., 2012].

Если говорить о моральных и социальных дилеммах, то предназначенные для выявления моральных суждений, на наш взгляд, некоторые из них могут быть использованы, разумеется, с

соответствующим модифицированием инструкции, для выявления вредоносной креативности, как намеренно наносимой вред, так и негативной с ненамеренно наносимым вредом. В качестве иллюстрации приведем краткое содержание дилеммы из исследования моральных суждений у одаренных подростков, осуществленного Д.Андреани и А.Пагнин [Andreani, Pagnin, 1993]. Одна из двух длительных воюющих стран разработала оружие, применение которого приведет к выигрышу, но и к огромным жертвам противника; командующий армией решает что делать, поскольку получил приказ применить оружие, когда посчитает нужным. Здесь можно предложить такие вариации инструкции: придумать оригинальные оправдания, почему командующий применил / не применил оружие.

В заключение статьи приведем результаты одного из исследований Д.Андреани и А.Пагнин. При изучении связи моральных суждений и интеллектуальных способностей ими было показано, что интеллектуально одаренные подростки с высокой потребностью достижений чаще по сравнению с неодаренными пренебрегали моральными запретами и демонстрировали низкий уровень эмпатии. Это происходило при решении дилемм, сфокусированных на ценностях человеческой жизни и социальных нормах [Andreani, Pagnin, 1992]. Результаты наводят на мысль о том, что понимание того, что движет креативными людьми, важно для прогнозирования их поведения.

Как показывает анализ исследований, освещающих асоциальную креативность, понимание этого феномена не может быть полным без исследования взаимодействия личностных и ситуативных характеристик, способствующего реализации творческих способностей для нанесения вреда объектам и людям. Проведение таких исследований необходимо для профилактики девиантного поведения, а также анализа негативных последствий различного рода инноваций.

Литература

Дикая Л.А. Обратная сторона креативности. Роль креативности в противодействии терроризму. Российский психологический журнал, 2010, 7(5–6), 57–62.

Дубов И.Г., Петровский В.А. Перестройка личностных структур учащихся при персонализации личности педагога. В кн.: А.В. Петровский (Ред.), Психология развивающейся личности. М.: Просвещение, 1987. С. 173–191.

Корнилова Т.В., Корнилов С.А., Чумакова М.А., Талмач М.С. Методика диагностики личностных черт «Темной триады»: апробация опросника «Темная дюжина». Психологический журнал, 2015, 36(2), 99–112.

Ениколопов С.Н., Мешкова Н.В. Предубежденность в контексте свойств личности. Психологический журнал, 2010, 31(4), 35–46.

Andreani O.D., Pagnin A. Moral reasoning in gifted adolescents: Cognitive level and social values. European Journal for High Ability, 1992, 3(4), 105–114.

Andreani O.D., Pagnin A. Moral judgment in creative and talented adolescents. Creativity Research Journal, 1993, 6(1–2), 45–63. doi:10.1080/10400419309534465

Al-Rifaie M.M., Cropley A.J., Cropley D.H., Bishop M. On evil and computational creativity. Connection Science, 2016, 28(2), 171–193. doi:10.1080/09540091.2016.1151862

Chavez-Eakle R.A., Lara M.C., Cruz-Fuentes C. Personality: A possible bridge between creativity and psychopathology? Creativity Research Journal, 2006, 18(1), 27–38.

Cleveland E.S. Digit ratio, emotional intelligence and parenting styles predict female aggression.

Personality and Individual Differences, 2014, Vol. 58, 9–14.

Cleverley K., Szatmari P., Vaillancourt T., Boyle M., Lipman E. Developmental trajectories of physical and indirect aggression from late childhood to adolescence: Sex differences and outcomes in emerging adulthood. *Journal of the American Academy of Child and Adolescent Psychiatry*, 2012, 51(10), 1037–1051.

Cloninger C.R., Svrakic D.M., Przybeck T.R. The Tridimensional Personality Questionnaire: US normative data. *Psychological Reports*, 1992, 69(3), 1047–1057.

Cropley A.J., Cropley D.H. Creativity and Lawbreaking. *Creativity research journal*, 2011, 23(4), 313–320. doi:10.1080/10400419.2011.621817

Cropley D.H., Cropley A.J. Engineering creativity: A systems concept of functional creativity. In: J.C. Kaufman, J. Baer (Eds.), *Creativity across domains: Faces of the muse*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, Inc., 2005. pp. 169–185.

Cropley D.H., Cropley A.J., Kaufman J.C., Runco M. (Eds.). *The dark side of creativity*. New York, NY: Cambridge University Press, 2010. <http://dx.doi.org/10.1017/CBO9780511761225>

Cropley D.H., Kaufman J.C., Cropley A.J. Malevolent Creativity: A Functional Model of Creativity in Terrorism and Crime. *Creativity Research Journal*, 2008a, 20(2), 105–115. doi:10.1080/10400410802059424

Cropley D.H., Kaufman J.C., Cropley A.J. Rejoinder to Commentaries on Malevolent Creativity: A Functional Model of Creativity in Terrorism and Crime. *Creativity Research Journal*, 2008b, 20(2), 134–136. doi:10.1080/10400410802059812

Eisenman R. Creative prisoners: Do they exist? *Creativity Research Journal*, 1999, 12(3), 205–210.

Eisenman R. Malevolent Creativity in Criminals. *Creativity Research Journal*, 2008, 20(2), 116–119. doi:10.1080/10400410802059465

Furnham A. The Bright and Dark Side Correlates of Creativity: Demographic, Ability, Personality Traits and Personality Disorders Associated with Divergent Thinking. *Creativity Research Journal*, 2015, 27(1), 39–46. doi:10.1080/10400419.2015.992676

Gruber H.E. Creativity in the moral domain: Ought implies can implies create. *Creativity Research Journal*, 1993, 6(1–2), 3–15. doi:10.1080/10400419309534462

Hao N., Tang M., Yang J., Wang Q., Runco M.A. A New Tool to Measure Malevolent Creativity: The Malevolent Creativity Behavior Scale. *Frontiers in Psychology*, 2016, 18(7), 682. doi:10.3389/fpsyg.2016.00682

Harris D.J., Reiter-Palmon R. Fast and Furious: The Influence of Implicit Aggression, Premeditation, and Provoking Situations on Malevolent Creativity. *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts*, 2015, 9(1), 54–64. doi:10.1037/a0038499

James K., Clark K., Cropanzano R. Positive and negative creativity in groups, institutions, and organizations: A model and theoretical extension. *Creativity Research Journal*, 1999, 12(3), 211–227.

James K., Drown D. Whether "Malevolent" or "Negative", Creativity Is Relevant to Terrorism Prevention: Lessons From 9/11 and Hazardous Material Trucking. *Creativity Research Journal*, 2008, 20(2), 120–127. doi:10.1080/10400410802059648

Kapoor H. The Creative Side of the Dark Triad. Creativity Research Journal, 2015, 27(1), 58–67.
doi:10.1080/10400419.2014.961775.

Krohn M.D., Lizotte A.J., Hall G. (Eds.). Handbook on crime and deviance. Heidelberg, Germany: Springer, 2009.

Law D.M., Shapka J.D., Domene J.F., Gagne M.H. Are cyberbullies really bullies? An investigation of reactive and proactive online aggression. Computers in Human Behavior, 2012, 28(2), 664–672.

Lee S.A., Dow G.T. Malevolent Creativity: Does Personality Influence Malicious Divergent Thinking? Creativity Research Journal, 2011, 23(2), 73–82.

McLaren R.B. The dark side of creativity. Creativity Research Journal, 1993, 6(1–2), 137–144.
doi:10.1080/10400419309534472

Mayer J., Mussweiler T. Suspicious spirits, flexible minds: When distrust enhances creativity. Journal of Personality and Social Psychology, 2011, 101(6), 1262–1277.

Nagler U.K.J., Reiter K.J., Furtner M.R., Rauthmann J.F. Is there a "dark intelligence"? Emotional intelligence is used by dark personalities to emotionally manipulate others. Personality and Individual Differences, 2014, Vol. 65, 47–52.

Plucker J., Runco M. Deviance. In: M.A Runco, S. Pritzker (Eds.), Encyclopedia of creativity. San Diego, CA: Academic Press, 1999. pp. 541–545.

Runco M.A. Creative morality: Intentional and unconventional. Creativity Research Journal, 1993, 6(1–2), 17–28. doi:10.1080/10400419309534463

Spooner N.T. Commentary on malevolent creativity. Creativity Research Journal, 2008, 20(2), 128–129.
doi:10.1080/10400410802059689.

Поступила в редакцию 30 июня 2016 г. Дата публикации: 21 декабря 2016 г.

[Сведения об авторах](#)

Мешкова Наталья Владимировна. Кандидат психологических наук, доцент, кафедра теоретических основ социальной психологии, факультет социальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет, ул. Сретенка, д. 29, 127051 Москва, Россия.

E-mail: nmeshkova@yandex.ru

Ениколопов Сергей Николаевич. Кандидат психологических наук, заведующий отделением медицинской психологии, Научный центр психического здоровья, Каширское шоссе, д. 34, 115522 Москва, Россия.

E-mail: enikolopov@mail.ru

[Ссылка для цитирования](#)

Стиль psystudy.ru

Мешкова Н.В., Ениколопов С.Н. О психологических исследованиях асоциальной креативности. Психологические исследования, 2016, 9(50), 3. <http://psystudy.ru>

Стиль ГОСТ

Мешкова Н.В., Ениколопов С.Н. О психологических исследованиях асоциальной креативности // Психологические исследования. 2016. Т. 9, № 50. С. 3. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг).

[Описание соответствует ГОСТ Р 7.0.5-2008 "Библиографическая ссылка". Дата обращения в формате "число-месяц-год = чч.мм.гггг" – дата, когда читатель обращался к документу и он был доступен.]

Адрес статьи: <http://psystudy.ru/index.php/num/2016v9n50/1354-meshkova50.html>

[К началу страницы >>](#)